

Глава 1

В поисках кролика с часами

Богатая королевская мантия с изображением дракона, вышитого золотой нитью по ярко-красному шелку, — символ достоинства Корейской империи. Взглянув на нее, Ли Гон просунул руки в рукава пиджака, подготовленного слугой. Камердинер Кюбон совсем недавно заступил на службу и был немного неопытен. Неловкими движениями он принялся застегивать пуговицы пиджака, при этом на лице его читалось явное беспокойство, ведь комфорт императора — комфорт всей империи. Кюбона поражало натренированное тело владыки, его широкие и крепкие плечи, — он был способен любому дать решительный отпор.

Кюбон на миг поднял глаза. Воистину гордость Корейской империи: прямые широкие брови, острый нос, нежные губы и четкая линия подбородка. Третий император Корейской империи мог похвастаться не только любовью подданных, но и внешней привлекательностью. Разумеется, преданность народа он заслужил не только приятной наружностью.

Оставалось застегнуть верхнюю пуговицу рубашки, но едва Кюбон коснулся длинного шрама на шее Ли Гона, как его резко схватили за руку.

На плечах капитана гвардии Чо Ёна лежала самая тяжелая ответственность — безопасность императора. Он всегда должен быть неподалеку, в любое время дня и ночи сопровождать и охранять Его Величество. Взгляд Ёна — холодный, исполненный решимости — заставил Кюбона застыть от страха. Зачастую придворные усложняли Ёну исполнение обязанностей больше, чем сам император.

Ён, всегда зачесывающий волосы назад, отнюдь не случайно занял свой пост. Он родился в семье майора морского флота и по совместительству близкого друга покойного отца императора. С малых лет он был вхож в узкий круг императорской семьи и рос бок о бок с Ли Гоном. Не будет преувеличением сказать, что судьбой ему предназначено защищать императора.

Из ступора Кюбона вывел мягкий и низкий голос Ли Гона, прозвучавший для придворного раскатом грома:

— Я сам справлюсь.

Наблюдая за тем, как Ли Гон застегивает последнюю пуговицу на своей белой рубашке, Кюбон поклонился и отстранился.

— Новенький? — раздраженно спросил Ён.

— Что? Да, — ответил Кюбон.

— Его Величество ненавидит, когда к нему прикасаются. Один раз ошибся — небрежность, два — умышленное намерение. Имей в виду.

— Слушаюсь. Прошу прощения, Ваше Величество. Не хотите ли прикрыть рану?

Лицо Ёна перекосилось от одного упоминания о шраме. Гон же едва сдержал смех, наблюдая за своим

охранником. Кого-то такая реакция могла напугать, но Гон находил забавным подобное преобразование.

Он помнил все, будто это было вчера. В тот день Ён подошел к нему, рыдая и приговаривая сквозь слезы: «Гон, не плачь», хотя понятия не имел, что случилось. Как быстро летит время. Гон покачал головой, осознав, сколько лет прошло с тех пор, как он получил этот шрам, и сказал:

— Незачем его скрывать. Он тоже часть меня, моя история.

Но, как бы ни относился Гон к своей ране, она касалась не только его самого, это был шрам на истории всей Корейской империи.

Тем временем Кюбон снова поднял глаза и отошел в сторону.

Гон взял перчатки и хлыст для верховой езды и, направляясь к двери, внезапно обернулся. Его взгляд упал на картину на стене. На лице еле успевавшей за императором седовласой придворной дамы Но мелькнуло разочарование: ее план провалился. Какая нелепость. Ли Гон слегка усмехнулся и подошел к картине. Он тщательно обыскал все вокруг: ощупал стену за картиной, посмотрел под вазой, проверил ящики у кровати и даже книжный шкаф, в который редко заглядывал, — и вот он держит в руках уйму талисманов. Это все проделки дамы Но. С тех пор как Гону исполнилось тридцать, ее мучило беспокойство, что он никак не может найти себе пару. Вывалив талисманы на стол, Гон изобразил, будто у него отпала челюсть, демонстрируя даме Но свое отношение к ее уловкам.

Придворная дама Но служила во дворце еще до рождения Гона. Всю свою жизнь она посвятила императорской семье, и забота об императоре стала ее главной обязанностью. Для Гона она была почти как родная мать. Но как бы там ни было, император предпочитал поступать по-своему.

Несмотря на то что Гон нашел все спрятанные амулеты, дама Но и не подумала сдаваться.

— Слышала, премьер-министр Ку прибыла пораньше и ждет аудиенции. Почему вы не спешите к ней? — спросила дама Но.

— Выглядят внушительно. Кажется, они и правда действуют. Талисманы для привлечения второй половинки или что-то вроде того, да? Это они каждый раз притягивают премьер-министра Ку раньше времени? Такими темпами она, глядишь, императрицей станет, — посмеялся Гон.

Гон прекрасно знал, что дама Но терпеть не может премьер-министра Ку, и сознательно ее провоцировал. С премьер-министром у Гона были сугубо деловые отношения, женщины он в ней не видел. Единственное, что выделяло ее среди других, — повышенное внимание публики и непомерные амбиции.

— Вы не можете на ней жениться! Сами же говорили, что не верите в эти суеверия. Это так, просто бумажки.

Что и требовалось доказать. Дама Но испугалась, едва подумав о таком союзе. Гон игриво улыбнулся, однако за улыбкой читалось стойкое упрямство.

— Я не верю, но вы — другое дело. Вы-то верите, что кто-то свыше ответит на ваши отчаянные молитвы, — ответил Гон.

Этими словами он хотел донести до нее, что не стоит тратить время впустую, распахивая талисманы по всем углам, тем более что они даже не действуют.

— Я это делаю не просто так! Под угрозой будущее императорской семьи и всей страны. Вы должны как можно скорее жениться!

— А я не хочу.

— Долг императора — произвести на свет наследника...

— Мне это неинтересно, — резко прервал ее Гон. Вопрос женитьбы его не занимал.

Рожденный императором Гон не отлынивал от своих обязанностей и честно исполнял императорский долг. Кроме разве что брака. Во дворце заправляла дама Но, допекая своей заботой весь императорский двор. Император же с необъяснимым упорством всячески избегал темы женитьбы. Будь у него тайные отношения с какой-нибудь девушкой, дама Но сразу бы все поняла, но такой девушки не было и быть не могло — с его-то ритмом жизни, когда каждый шаг под пристальным вниманием придворных и подданных. Премьер-министр Ку — единственная девушка, которая часто появлялась на публике рядом с императором, но с ней у него точно не было романтических отношений.

Даме Но оставалось лишь растерянно провожать глазами широкую спину Гона, поспешно удаляющегося в сопровождении Ёна и охранников в черных костюмах.

Площадка для верховой езды была одним из любимых мест Гона во дворце. Как же приятно скакать на лошади на свежем воздухе, под голубым небом, которое осенью кажется еще выше, чем в другие времена года. И так спокойно на душе, будто совсем не о чем беспокоиться. Будто становится легче груз чаяний миллионов подданных, возложенный на плечи императора.

А с любимым конем Максимусом, рожденным той ночью, когда его собственная жизнь чуть было не закончилась, прогулки были вдвойне приятнее. Дул ветер, но яркие солнечные лучи одаривали Гона и Максимуса своим теплом и сиянием. Над их головами трепетала разноцветная осенняя листва, рассеивая вокруг переливчатые блики света.

Когда Гон остановился и спешился, премьер-министр Ку Сорён в сопровождении своих секретарей, была уже неподалеку. Ее каблуки цокали по гравию площадки. Гон повернулся в ее сторону и смотрел, как горделивой и неторопливой походкой Ку Сорён приближается к нему.

Императорская семья и император, парламент страны и премьер-министр были столпами, поддерживающими всю империю. Гон поднял руку и взглянул на часы.

— Знаю, Ваше Величество, время еще раннее. Но погода сегодня замечательная и хотелось повидаться с Максимусом, поэтому я поспешила к вам на встречу, — заговорила Сорён.

Она подошла — на лице легкая улыбка, губы накрашены ярко-красной помадой. Она поприветствовала Гона, державшего поводья, а после повернулась к Максимусу, чистокровному белому жеребцу императора. Помахала ему рукой, как если бы здоровалась с близким другом, но Максимус даже не взглянул на Сорён.

— Не любит он женщин. Избаловал я его, может и укусить.

— Прямо как я. Тоже часто людей кусаю, — не растерявшись, ответила Сорён. Черты лица ее смягчились и приняли подчеркнуто приветливое выражение, быстрое напряжение исчезло. — И еще. Можете помахать рукой? Вон там, в пятидесяти метрах от нас, камера. В информационном бюро считают, что на площадке для верховой езды получатся отличные фотографии.

— Трудно будет позировать и идти одновременно. Встаньте рядом. Лучше слева: с этой стороны у вас профиль красивее. И в следующий раз стоит надеть обувь поудобнее.

При кажущемся равнодушии он все же был довольно внимательным молодым человеком. И неудивительно, что он снискал расположение всех женщин империи.

Сорён послушно повернулась к камере левым боком.

— Ваше Величество, вы сократили время для отчета о государственных делах аж в два раза, этого не хватит, даже чтобы переобуться, — сказала Сорён.

— Ваши доклады в среднем длятся восемнадцать минут. Думаю, тридцати вполне хватит. Ну что, начнем?

— Что ж, раз мы оба люди занятые, может, сократим еще на пять минут?

Помня про камеру, Сорён неожиданно близко придвинулась к Гону и томным, вызывающим голосом прошептала ему на ухо:

— Как и сказано в моем письменном отчете, в стране царит мир, народ счастлив. А после публикации этой фотографии, вероятно, станет еще счастливее.

— И все благодаря вам, премьер-министр, — без тени смущения ответил Гон, улыбнулся и увеличил дистанцию.

Сорён снова пришлось отступить: ей не за что было зацепиться, чтобы поддеть императора. Она слегка прикусила нижнюю губу. Они — два столпа, на которые опирается вся империя, и это, несомненно, сказывается на характере их отношений, не то чтобы очень плохих, но хорошими их назвать было нельзя. Между ними словно натянута проволока, на которую подается ток.

— Я тут подумала: может, мне тоже научиться верховой езде? Как полагаете, Ваше Величество, у меня получится?

— Скажу так: если будете честно тренироваться каждый день, лошадь сможет доставить вас на край света. Премьер-министр Ку, а вы на стороне честности?

От этого вопроса из серии «читай между строк» у Сорён невольно дернулись брови.

— Такая вещь, как честность, — привилегия императора, который уже с рождения занимает высокую позицию в обществе. Я же, Ваше Величество, политик.

Безусловно, императору пристало быть благородным и честным, но Сорён — политический деятель, а для политика быть честным — непозволительная роскошь. Своим холодным ответом она выдала себя. Она проиграла, и ее обожгло чувство зависти: на свете есть много такого, что ей недоступно.

Сорён не родилась с серебряной ложкой во рту. Ей пришлось тяжело трудиться, чтобы занять эту высокую должность. На этом тернистом пути ее ждали взлеты и падения, но в итоге она добилась желаемых высот. По крайней мере, она так считала. Дочь хозяйки рыбного магазина ухитрилась выйти замуж за главу конгломерата, а после развода — занять пост премьер-министра Корейской империи. Резко переменявшись в лице, Сорён холодно выразила благодарность императору:

— Ваше Величество, от имени народа хочу выразить признательность за добровольное решение платить налоги в казну. Но как политик я планирую воспользоваться вашей честностью.

— Слышал, вы наложили вето на повышение зарплат представителей верхней и нижней палат парламента. Думаете, сможете победить? Неужели в этом бою я буду вашим джокером?

— Вам ли не знать вашу карту? Разумеется, вы всегда будете королем. Я непременно выиграю в этой битве. Следите внимательно, Ваше Величество.

— Я всегда предельно внимателен.

Гон чувствовал себя неуютно рядом с этой женщиной, не скрывавшей своих амбиций. Сорён права: Гону было предназначено стать императором, но в то же время не он выбрал себе эту участь. Честолюбие премьер-министра внушало опасения, нельзя было надолго выпускать ее из виду. Похоже, следующей ее целью стал трон и император собственной персоной. Временами она была способна на такие поступки, которые Гону и не снились.

— Что же, ваш отчет я заслушал, и фотографий сделано достаточно. Не пора ли заканчивать? А то мне еще душ нужно успеть принять перед следующей встречей.

Лучезарная улыбка появилась на лице императора, подливая краски в этот погожий осенний денек. «А он шикарно смотрится в кадре, — в очередной раз подумала Сорён, — недаром у него столько поклонниц». Похоже, она и сама попала на крючок. «Быть беде», — сделала вывод премьер-министр.

Зеркальная гладь реки блестела в лучах яркого солнца. Берега обступили деревья, листва на них уже заиграла красками осени. В этот прекрасный, безоблачный день с самого утра к гребному каналу стекались люди. Толпа собралась такая, что ей не было ни конца ни края. Даже если бы погода сегодня не радовала,

людей не стало бы меньше. А все потому, что в сегодняшних соревнованиях по гребле должен был принять участие сам император.

На трибунах и вокруг них царил суматоха, посмотреть заплыв сегодня собрались не только семьи участников, пришедшие поболеть за родных, но и другие подданные империи, желая полюбоваться императором. Ён неусыпно контролировал толпу зрителей.

В дни открытых соревнований гвардии, в особенности Ёну, приходилось нелегко. Подданные любили своего императора, красивого и сильного: Гон всегда заботился о своем теле, и, возможно, благодаря ему команда восемьдесят восьмого выпуска военно-морской академии сегодня выйдет в лидеры. Но однажды, когда Гон был еще ребенком, его едва не убили, поэтому гвардейцы пристально следили за толпой, особенно на подобных мероприятиях.

Команды уже начали приближаться к финишу.

— Отойдите! Прочь с дороги! — раздались в толпе крики.

— Да чтоб тебя!

И тут публика взорвалась ликованием, когда команда военно-морской академии первой пересекла финишную прямую. Они так энергично гребли, что кожа Гона блестела от пота.

— Мы потомки Ли Сунсина*! Мы сражаемся и побеждаем! Ура! — выкрикивала свой девиз команда, собравшись в круг и соединив руки в его центре, а Гон мягко улыбался, наслаждаясь радостью победы.

---

* Адмирал флота, живший во времена правления династии Чосон, прославился победами над морским флотом Японии.

Репортеры и зрители беспрестанно снимали их на камеры, люди толпились, чтобы успеть сфотографироваться с императором. Гвардейцы изо всех сил сдерживали натиск толпы.

— Что происходит-то? На кой черт вы все сюда притащились!

— Прочь с дороги!

Пока Гон снимал промокшие кроссовки, двое разъяренных, довольно неприятных с виду мужчин достали пистолеты и за кем-то погнались. Тут и там раздавались крики. Мужчины расталкивали толпу, угрожая оружием всем подряд. Они и в самом деле не знали, ради чего собралось столько людей, их заботила только девушка, за которой они гнались, но никак не могли поймать. В надвинутом на лицо черном капюшоне с кроличьими ушами она убегала все дальше и дальше. Вокруг было слишком много народу, и преследователям приходилось без конца расталкивать публику, но люди все равно то и дело преграждали им путь. В гневе один из мужчин направил дуло пистолета вверх.

Пронзительный звук выстрела разрезал воздух.

Победная улыбка сошла с лица Гона, звуки стрельбы в один миг погрузили его в воспоминания о той роковой ночи двадцать пять лет назад. Не теряя ни секунды, Ён бросился к императору и прикрыл его своим телом. Находясь под надежной защитой стражи и Ёна, Гон пытался разглядеть, где стреляли.

Все попытки прорваться сквозь толпу и продолжить погоню были тщетными. Звук выстрела посеял панику среди людей. Одни, испугавшись, рванули

в разные стороны, вторые падали на колени и прижимались к земле, третьи и вовсе застыли на месте от страха и просто кричали.

— Шутки в сторону! Убирайтесь с дороги, если жить хотите! Проваливайте! — завопил один из мужчин, целясь в кого ни попадая.

Однако призыв не возымел действия, да и девушка в капюшоне давно скрылась из виду — продолжать погоню не имело смысла.

Один из мужчин нервно размахивал пистолетом, а другой пытался его утихомирить:

— Босс! Успокойтесь! Стойте, не двигайтесь!

— Идиот, как мы теперь ее поймаем?! Сам успокойся!

Вдруг он замер, заметив на черном костюме своего подельника множество красных точек. Наклонив голову и осмотрев себя, он увидел ту же картину. Это было несчетное количество лазерных прицелов, направленных на них со всех сторон.

Слишком поздно они осознали, что происходит. За считанные секунды их окружила охрана, взяв на мушку обоих и постепенно сужая оцепление.

— Для начала уведем вас отсюда, Ваше Величество, — сказал Ён, прикрывая Гона.

Но Гон смотрел не на окруженных охраной мужчин, а на девушку в капюшоне, за которой эти мужчины гнались. Благодаря тому, что их схватили, ей удалось перевести дыхание. Девушка была далеко, но Гону почудилось, будто на бледном лице проступила улыбка. Он прищурился, пытаясь разглядеть ее лицо, но девушка-кролик развернулась и снова бросилась прочь.

Движения ее были быстрыми и легкими. Немудрено, что ей удалось улизнуть от тех двоих. Миг — и она скрылась из виду, но образ ее остался в памяти Гона. Пока Ён отвлекся, давая указания охранникам, Гон не раздумывая погнался за девушкой. Ему показалось, что он увидел того самого кролика с часами из любимой сказки, которого так долго искал. Во что бы то ни стало он должен был выяснить, кто она.

Ноги у Гона были длинные, и бежал он быстро, безусловно быстрее девушки, но расстояние было слишком велико, сократить его оказалось непросто. Охранники наверняка уже обнаружили исчезновение императора и, должно быть, стояли на ушах. Он нередко такое устраивал: неожиданно исчезал, оставляя стражу в недоумении, — но ни разу во время открытых мероприятий.

Пусть Гон лишь вскользь смог увидеть лицо девушки, он не сомневался: она знала, что делает. Он не мог ее упустить. Разумеется, Ён мчится за ним по пятам и вот-вот догонит, однако Гон не переставал преследовать девушку. Она скрылась за углом здания и исчезла, будто испарилась, оставив Гона в полном недоумении. Он остановился.

Он стоял и смотрел на свое отражение в стеклянной облицовке здания. Вокруг не было ни души. Ему показалось, он и впрямь попал в сказку: девушка-кролик нырнула в кроличью нору и пропала. Позади слышались приближающиеся шаги. Гон даже не обернулся: он сразу понял, что это Ён.